

ТВОРЧЕСТВО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ВОСПРИЯТИИ СЛОВАЦКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Статья посвящена восприятию творчества А.И. Солженицына в Словакии. Представлен исторический обзор переводов произведений писателя на словацкий язык; дана информация о переводчиках и их переводческих концепциях; рассмотрено отношение читательской аудитории к текстам А.И. Солженицына с момента появления первого его произведения в Словакии и до сегодняшнего дня. Показаны основные подходы к передаче авторской лексики на словацкий язык, проиллюстрированы наиболее трудные для перевода лингвистические черты солженицынского языка.

художественный перевод на словацкий язык, «Один день Ивана Денисовича», перевод окказионализмов, восприятие художественного произведения.

Многогранность личности и творчества А.И. Солженицына, уникальность ситуации, в которой появились его первые произведения, последующая судьба этих произведений и их автора – все это обусловило неоднозначное, но всегда очень живое восприятие его книг за рубежом. С момента публикации «Одного дня Ивана Денисовича» творчество А.И. Солженицына вышло за рамки литературы, а фигура самого писателя стала чуть ли не более значимой, чем сами тексты произведений, что сказалось и на восприятии переводов. С одной стороны, большой интерес к творчеству писателя (в частности, в Словакии он является одним из самых читаемых русских авторов), с другой стороны, нередко воспринимается лишь фактическая сторона его книг, а художественное своеобразие уходит на второй план.

История переводов и исследования произведений А.И. Солженицына в Словакии – это отражение истории взаимоотношений двух славянских народов, сменяющие друг друга периоды политического давления, слепого восторга, неприятия и отрицания. Русская литература оказывала влияние на словацкую литературу на всем протяжении ее развития. Наиболее интенсивным воздействие оказалось в момент формирования реалистической литературы в конце XIX века и в период соцреализма в середине XX века. В интересующий нас период – со второй половины XX века – происходит перелом, обусловленный политической оттепелью в Советском Союзе. «Тогда вступило в литературу новое поколение, которое своими яркими талантами (Аксенов, Евтушенко, Вознесенский) смогло стереть дурные последствия только что ушедшего периода и оживить интерес не только к советской классике, но и к русскому модерну и авангарду. О политическом и литературном значении

Солженицына нет необходимости напоминать, оно неоценимо (здесь и далее перевод мой. – В.К.)», – пишет М. Грала¹.

Знакомство словацких читателей с А.И. Солженицыным началось, как и во многих других странах, с рассказа «Один день Ивана Денисовича». В начале 1963 года, то есть всего несколько месяцев спустя после русского издания, вышли переводы рассказа в Голландии, Португалии, Швеции, Швейцарии, ФРГ, Корею, Данию, Испании, США, несколько позже, но в том же году, в Финляндии, Венгрии, Исландии, Италии, Японии, Норвегии. Славянские страны не были исключением. Всего два месяца после советского издания рассказ был переведен на болгарский язык (Венцел Райчев, 1963). В Чехословакии вышел чешский (Сергей Махонин, 1963) и словацкий переводы (Ян Ференчик, 1963). В Югославии в конце 1963 года опубликованы сербские переводы сразу трех рассказов: «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка» (Зоран Жуёвич, Ана Грдан, Светомир Дурбич, 1963). Хорватский и словенский переводы «Одного дня Ивана Денисовича» появились только через несколько лет – в 1971 и 1982 годах соответственно. Что касается польского перевода, то сначала был издан рассказ «Случай на станции Кречетовка» в журнале «Literatura radziecka», а несколько позже «Один день Ивана Денисовича» в варшавском еженедельнике «Polityka»: название журнала уже само по себе свидетельствует о характере восприятия фигуры А.И. Солженицына и его творчества в Польше.

«Один день Ивана Денисовича» не сразу для словацкого читателя был издан в виде книги: в самом начале 1963 года он выходил по частям в переводах разных переводчиков в журнале «Slovenské pohľady», фрагменты рассказа издавались также в еженедельниках «Svet socializmu» и «Život», на что «Slovenské pohľady» отреагировали упреком в адрес указанных журналов. Редакция журнала «Slovenské pohľady» утверждала, что публикация фрагментов произведения А.И. Солженицына служила лишь поводом для привлечения читателей после повышения цены на журналы и стремлением произвести сенсацию, а не проявлением глубокого, правдивого и всестороннего интереса к советской литературе.

Первое полное словацкое книжное издание «Одного дня Ивана Денисовича», вышедшее в 1963 году, было осуществлено Яном Ференчиком, известным переводчиком русской литературы. Его работы о теоретических вопросах перевода стали основой для современной словацкой переводческой школы и отразились в его собственных переводах. После публикации переводов в Словакии статьи об этом рассказе вышли практически во всех основных периодических изданиях того времени. Характерным признаком этих статей, однако, являлось повышенное внимание лишь к идеологической стороне произведения и к личности автора как фигуре политической. В этих статьях не просто не обращается внимание на художественные достоинства произведения, а вовсе отрицается какое бы то ни было стилистическое своеобразие рассказа. Один из таких примеров – статья М. Дрозды, в которой он

¹ Hrala M. České překlady z ruské literatury // Kapitoly z dějin českého prekladu. Praha, 2002. S. 236.

превозносит заслуги автора в «публицистической реабилитации невиновных», но в то же время пишет: «Его проза не блещет ни яркими стилистическими средствами, ни необычными композиционными приемами»². Или другой пример из статьи З. Матейовой о том, как политическая сенсация затмевает объективный анализ произведения: «Несмотря на несомненный вклад этой книги в идейном отношении, в области художественной формы можно заметить определённые недоработки»³.

В 1960-е годы интерес к А.И. Солженицыну в Чехословакии достигает своей вершины. Об этом свидетельствуют следующие слова, сказанные о писателе весной 1965 года ответственным сотрудником посольства Чехословакии в Москве: «В Чехословакии он любимый писатель, его называют “русский Фу-чик”. Популярность его очень велика. Мы в посольстве это чувствуем, так как через посольство направляем Солженицыну много приглашений о посещении нашей страны. Мы передаём их в Союз писателей, в общество дружбы с ЧССР. Но нам обычно отвечают через МИД, что Солженицын тяжело болен, что у него рак, что он не может далеко выезжать за пределы Рязани. А ведь как жаль, такой талантливый писатель...»⁴. О высоком интересе к творчеству А.И. Солженицына в Словакии свидетельствует и тот факт, что в 1967 году именно в словацкой газете «Pravda» была впервые напечатана одна глава из «Ракового корпуса», опередив все другие публикации романа.

Периодом сильнейшего идеологического давления со стороны советской культуры, которое сказывалось не только на внутренней продукции Словакии, но и на выборе произведений для перевода, были 1968-й год и последующие два десятилетия. Интерес к творчеству А.И. Солженицына в Словакии заметно снижается, перестают публиковаться переводы и какие-либо критические статьи. В конце 60-х годов произведения А.И. Солженицына оказываются под запретом в Советском Союзе, а сам писатель отправлен в эмиграцию. В 70–80-х годах публикация его произведений и изучение его творчества продолжают на Западе. Так, романы «Раковый корпус» и «В круге первом» выходят на русском языке в парижском издательстве «YMCA-PRESS». Там же в 1973 году печатается книга «Архипелаг ГУЛАГ», после чего сразу появляются французский, немецкий и английский переводы. В 1974 году в Цюрихе издается словацкий перевод книги, осуществленный Эмилом Богданом Штефаном, журналистом, редактором, автором нескольких политических романов и исторических публикаций. Хотя признанным является перевод, изданный уже в самой Словакии после бархатной революции, но и работа Э.Б. Штефана также заслуживает внимания как первый словацкий перевод «Архипелага ГУЛАГ». Э.Б. Штефан до отъезда в эмиграцию работал в Министерстве иностранных дел Чехословакии, на телевидении, был главным редактором газеты

² Drozda M. Jeden deň Ivana Denisoviča // Východoslovenské noviny. 1964. 25 červ. S. 4.

³ Mátejová Z. Vidieť ponad osobné krivdy presný cieľ // Učiteľské noviny. 1963. 22 srp. Roč. 13. Č. 31–33. S. 4.

⁴ Медведев Ж.А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С. 49.

«Práca», а после 1968 году, будучи в эмиграции в Германии, работал в словацкой редакции радио «Свободная Европа», сотрудничал с эмигрантским журналом «Horizont», подготовил к изданию несколько антологий словацкой прозы, переводил с русского и украинского языков. Публикация словацкого перевода книги А.И. Солженицына стала одной из важнейших работ издательства «Poľana», главной целью которого было издание представительного эмигрантского журнала в Западной Европе (журнал «Horizont» выходил ежемесячно с 1972 по 1991 год). В публикации «Архипелага ГУЛАГ» принял участие в качестве иллюстратора известный художник словацкой эмиграции Ян Мраз, что сделало книгу одним из самых красивых изданий словацкого зарубежья⁵. В этот период продолжается изучение творчества А.И. Солженицына и в Западной Европе, и в Америке. Научные монографии, посвященные творчеству писателя, выходят во Франции (Ж. Нива), Англии (Ж.А. Медведев), США (В. Карпович). Ни в Советском Союзе, ни в социалистической Чехословакии А.И. Солженицына как будто не существовало.

После «бархатной революции» 1989 года условия для развития русско-словацких литературных отношений снова изменились радикальным образом. С одной стороны, падение политического давления позволило переводить и издавать произведения, находившиеся до этого под запретом, с другой стороны, последствием десятилетий «обязательной» дружбы было неизбежное снижение интереса к русскоязычной литературе. Целые блоки книг, отмечает М. Грала, действительно популярные в свое время, теряют всякую привлекательность для читателей. Они становятся лишь историческими документами не только из-за своей тематики (пропагандистского характера), но и из-за методов перевода, отношения к оригиналу и качеству языка. Соответствовать современной переводческой норме, сформировавшейся в настоящее время, могут лишь немногие из старых переводов. Но и в новых переводах, часто соответствующих данной норме, в некоторых случаях обнаруживается влияние современных тенденций (вульгаризация текста, смысловые смещения и т. д.)⁶. О влиянии раннего творчества А.И. Солженицына на словацких писателей конца XX века словацкий литературовед А. Червеняк пишет: «Мы глубоко убеждены, что новое идейно-эстетическое сознание таких авторов, как П. Ярош, Л. Фелдек, Р. Слобода, П. Виликовский, Л. Баллек <...> формировалось и в орбите неотразимого воздействия»⁷ рассказов русского писателя. Исчезновение политических ограничений позволило за очень короткий период времени издать переводы предыдущих десятилетий, но по известным причинам до сих пор нереализованные. Так, подготовленные еще в 70-х годах вышли в 1991 году на словацком языке «Раковый корпус» (пер. Магда Такачова) и «Архипелаг ГУЛАГ» (пер. Душан Слободник, Игор Слободник и Элена Линзботова).

⁵ Slovenské tlačené slovo v zahraničí. URL : www.viks.sk/dkk/kniha91_92_19_34.doc (дата обращения: 10.04.2013).

⁶ Hrala M. České překlady z ruské literatury. S. 239.

⁷ Червеняк А. «Малый триптих» А. Солженицына // А.И. Солженицын в контексте европейской литературы. Zbornik príspevkov zo sympózia o tvorbe A.I. Solženicyna. Bratislava, 1992. S. 59.

В последнее десятилетие в Словакии возрождается интерес к русской культуре, причем особым вниманием пользуются книги о «темных» страницах прошлого России. Так приходит новая волна популярности солженицынских текстов о ГУЛАГе.

В 2003 году появляется новый словацкий перевод «Одного дня Ивана Денисовича», созданный словацкой переводчицей Ольгой Гирнеровой. Как известно, вариант рассказа 1962 года, опубликованный в «Новом мире», отнюдь не является первоначальной авторской версией. Чтобы появился шанс на публикацию, рассказ пришлось существенно обработать: сократить и смягчить некоторые эпизоды. Восстановленный первоначальный вариант был издан в Собрании сочинений А.И. Солженицына издательства «YMCA-PRESS» в 1978 году. Именно эту версию рассказа сам автор считает верной (так отмечается и в самом издании)⁸. И именно эта версия стала подлинником для перевода Ольги Гирнеровой. Примером текстологических изменений является информация о таких сторонах советской действительности, как, например, упоминание об ущербе, нанесенном советскому хозяйству организацией колхозов:

...ничего так жалко не было за восемь лет, как этих ботинок. В одну кучу скинули, весной уж твои не будут⁹.

...ničoho mu za tých osem rokov nebolo tak ľúto ako tých bagančí. Na jednu hľbu ich nahádzali, na jar už tvoje nebudú¹⁰.

В восстановленной версии возвращено последнее предложение:

...ничего так жалко не было за восемь лет, как этих ботинок. В одну кучу скинули, весной уж твои не будут. Точно, как лошадей, в колхоз сгоняли¹¹.

Za celých osem rokov mu za ničím nebolo tak ľúto ako za tými bagančami. Všetky nahádzali na jednu kopu, na jar už veru jeho nebudú. Celkom ako keď kone zháňali do kolchozu¹².

Не говорится в версии 1962 года и о том, как сажали в тюрьмы всех, кто возвращался на родину из-за границы:

А он вырос и самодумкой назад – в Эстонии институт кончать¹³.

Keď vyrástol, hybaj svojvoľne nazad, do Estónska, študovať inštitút¹⁴.

В восстановленной версии предложение звучит так:

А он вырос и назад, дурандай, на родину, институт кончать. Тут его и взяли¹⁵.

No len čo vyrástol, zmyslel si hlupák, že sa vráti do vlasti a doštuduje techniku. A tam ho hneď zobrali¹⁶.

⁸ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Собр. соч. : в 20 т. Т. 3. Вермонт ; Париж, 1978. С. 5.

⁹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 12.

¹⁰ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 14.

¹¹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 1

¹² Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 12.

¹³ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. С. 26.

¹⁴ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 44.

¹⁵ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 33.

¹⁶ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 41.

В 2012 году переиздан словацкий перевод книги «Архипелаг ГУЛАГ». Выход этого нового издания отметили многие словацкие газеты. В отзывах книга снова оценивается как «одно из важнейших свидетельств XX века»¹⁷. Новое издание дополнено не только новыми примечаниями, но, что особенно ценно, новым послесловием в третьем томе книги, в котором «Игор Слободник предпринял попытку осветить словацкую историю ГУЛАГа»¹⁸. Интересными также являются отсылки к последним работам о лагерях в словацком и чешском контекстах: упоминаются такие книги, как «Odvlečení» Петра Юшчака (2001) и «Gulag. Dějiny» Аннэ Аппленбаумовой (2004)¹⁹. Эти сведения, а также освещение исторических событий той эпохи делает издание особенно актуальным для современного словацкого читателя.

Что касается научных исследований творчества А.И. Солженицына в Словакии, они так же, как и переводы, стали появляться после 1989 года. Неслучайно первый после «бархатной революции» симпозиум Ассоциации русистов Словакии был посвящен именно творчеству А.И. Солженицына. Задача этого симпозиума, как прозвучало во вступительном слове, не подвести итог исследования творчества русского писателя, а, наоборот, дать толчок к его будущему изучению. Словацкие исследования произведений писателя принадлежат таким ученым-литературоведам, как М. Дрозда, М. Куса, О. Марушьяк, Д. Слободник, А. Червеняк и некоторые другие. Однако работы по лингвистическим особенностям творчества А.И. Солженицына практически отсутствуют. А между тем с художественной точки зрения особый интерес представляет язык произведений А.И. Солженицына, который отражает позицию писателя как продолжателя традиций классической русской литературы и в то же время большого реформатора. В солженицынском художественном языке переплетены глубокая закорененность в национальной традиции и яркое новаторство, стремление приблизить русский язык народной речи, освободить его от штампов советского времени. Автор добивается этого путем внедрения в ткань произведения большого объема нелитературных элементов (окказионализмов, архаизмов, диалектных форм, просторечия, жаргонизмов), а также новых синтаксических и композиционных форм организации текста.

Приведем краткий обзор наиболее характерных черт языка писателя и принципов передачи их на словацкий язык. Одна из них – яркая фонетическая форма. Семантика слов у А.И. Солженицына во многих случаях связана с определенной интерпретацией их формальной стороны. В этом смысле очень характерен пример объяснения семантики слова *острог* в книге «Архипелаг ГУЛАГ»:

¹⁷ Alexander Solženicyn: Súostrovie Gulag. URL : http://www.premedia.sk/slk/sk/literatura_faktu/novinka_alexander_solzenicyn_suostrovie_gulag (дата обращения: 18.04.2013).

¹⁸ Súostrovie Gulag. Recenzie. Knižná revue. 2013. 06. únor. URL : <http://www.floowie.com/sk/nahlad/309631289511119a9865de#/strana/2/> (дата обращения: 10.04.2013).

¹⁹ Priehrštie pravdy o fenoméne gulag. Katolícke noviny. 2013. 26. Marec. URL : <http://www.katolickenoviny.sk/1314-2013-priehrstie-pravdy-o-fenomene-gulag/> (дата обращения: 10.04.2013).

Ах, доброе русское слово – острог – и крепкое-то какое! И сколочено как! В нем, кажется, – сама крепость этих стен... И все тут стянуто в этих шести звуках – и строгость, и острога, острота (ежовая острота, когда иглами в морду, когда мёрзлой роже метель в глаза, острота затесанных кольев предзонника и опять же проволоки колючей острота), и осторожность (арестантская) где-то рядышком тут прилегает, а рог? А рог прямо торчит, выпирает! Прямо в нас наставлен... стало это все опять подниматься, сужаться, строжать, рожать... И только как колокол сторожевой, ночной и дальний...²⁰.

Это пример использования А.И. Солженицыным паронимии для расширения значения слова. Имея в виду эти особенности языкового творчества А.И. Солженицына, приходим к выводу о чрезвычайной сложности его произведений как задачи для переводчика. Однако это не означает невозможность их перевода, хотя и требует не только глубоких знаний всего творчества писателя, реалий и истории страны, но и значительной изобретательности при их переводе. Рассмотрим, каким принципам следовал переводчик при воспроизведении этого отрывка на родственном славянском языке и насколько ему удалось передать все многообразие языковых средств писателя.

Ach, dobré ruské slovo – ostrog (pevnostné zariadenie, temnica) – a aké je len pevné! Aké je nerozborné! Zdá sa, že v ňom je sama pevnosť tých stien... Všetko je zovreté, stiahnuté do tých šiestich hlások – aj strogosť (t.j. prísnosť), aj ostroha, aj ostrota (ježia ostrota, keď človeku ihlami d'obú do tváre, keď metelica naráža do tváre, ostrota otesaných kolov zahradzovacieho pásu pred múrmi väznice a aj pichajúci ostnatý drôt). Ani slovo ostorožnosť (t.j. obozretnosť, opatnosť väzňov) nemá ku koreňu slova ostrog ďaleko, no a slovo roh? Roh priam trčí, vydúva sa, akoby mieril priamo na nás! <...> sa to všetko začalo dvíhať, zužovať, prísniť, nadobúdať podobu rohu... A znie to ako strážny zvon, nočný a vzdialený...²¹.

Во многих случаях переводчику приходится отказываться от русских слов (*острог*, *строгость*, *осторожность*) в их оригинальном звучании, чтобы сохранить связь между фонетической и смысловой стороной слова. В этом случае перевод слова приводится в скобках, что значительно снижает динамичность повествования. На словацкий переведены ключевые слова, схожие в своем звучании в обоих языках: *ostroga* – *ostroha*, *ostrota* – *ostrota*, *rog* – *roh*. Перевод менее метафоричен, более эксплицитен из-за описательных конструкций. Так, лексема *рожать* переведена как *nadobúdať podobu rohu* (букв. ‘приобретать форму рога’); предложение *где-то рядышком тут прилегает* переведено как *nemá ku koreňu slova ostrog ďaleko* (букв. ‘близко к корню слова *острог*’). Перевод менее экспрессивен и из-за замены эмоциональных слов нейтральными, как, например, слов *морда* и *рожа* в обоих случаях переведенных словом *tvár* (букв. ‘лицо’). Эти потери переводчик старается возместить, усиливая иной мотив этого пассажа, о крепости острога, повторяя его несколько раз: *pevnostné zariadenie* (букв. ‘крепостное

²⁰ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ : в 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 441.

²¹ Solženicyn A. Súostrovie Gulag : 3 diel. BA, 1991. Roč. 1. S. 285.

сооружение'), *aké je len pevné* (букв. 'какое крепкое'), *v ňom je sama pevnosť týchto stien* (букв. 'в нем сама крепость этих стен').

Во многих случаях перевод на иностранный язык помогает глубже понять и прочувствовать подлинник. Текст романа «Раковый корпус» буквально насыщен яркими словесными образами, что можно продемонстрировать на следующем примере:

...он (Олег Костоготов. – В.К.) так ухо приклонял, чтобы гордости не ущербнуть – слушал вбирчиво, а вроде не очень это ему и нужно ²².

Авторские новообразования и экспрессивный синтаксис (например, разговорная усеченность синтаксических конструкций) сразу обращают на себя внимание, но в то же время звучат абсолютно естественно. При сопоставлении оригинала с переводом, где появляются дополнительные конструкции, сразу раскрывается необычность авторского склада:

...natŕčal ucho tak, aby si tým nezadal – počúval dychtivo, **ale tváril sa, akoby** mu na tom **veľmi** **nezáležalo** ²³.

Интересны и переводческие решения в области лексики. Солженицынские новообразования всегда выполняют функцию концентрирования наибольшего содержания в наименьшем объеме. Наречие *вбирчиво* образовано писателем от прилагательного *вбирчивый*, зафиксированного в словаре В.И. Даля.

ВБИРЧИВЫЙ (от гл. вбирать 'втягивать, всасывать, впивать, брать в себя, набирать, наполняться') **впивчивый, вбирающий, всасывающий в себя много** ²⁴.

Глагол *вбирать* находим и у Д.Н. Ушакова с переносным значением 'воспринимать' ²⁵. Наречие *вбирчиво* передает не только то, с каким вниманием слушает главный герой все интересное и новое, но и как собирает по крупинкам и впитывает новые знания при любой представившейся возможности. Подобное авторское новообразование практически не поддается переводу. Переводчица выбирает стилистически нейтральную лексему словацкого языка, наиболее близкую по значению, – наречие *dychtivo*, то есть 'жадно, страстно, нетерпеливо': **DYCHTIVÝ veľmi žiadostivý, vášnivo túžiaci po niečom, nedočkavý** ²⁶.

Словосочетание *приклонить к чему-нибудь ухо* имеет библейское происхождение и встречается в Ветхом Завете неоднократно: «...словам моим внимай, и к речам моим приклони ухо твое» [Притч. 4:20]; «...внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему» [Притч. 5:1]; «Приклоните ухо ваше и придите ко Мне: послушайте, и жива будет душа ваша» [Ис. 55:3] и др. У В.И. Даля мы находим это устойчивое словосочетание со значением 'слушать со вниманием' ²⁷. Оно есть и в словаре Д.Н. Ушакова с пометой *книжное и устаревшее* и значением 'вни-

²² Солженицын А.И. Раковый корпус. М., 2001. С. 118.

²³ Solženicyн A. Rakovina. BA, 1991. S. 103.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М., 1880–1882. С. 171.

²⁵ Толковый словарь русского языка. / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М., 1935–1940. Т. 1. С. 230.

²⁶ Slovník Slovenského Jazyka : 5 diel. Bratislava, 1959–1965. Diel. 1. S. 357.

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 418.

мательно прислушиваться'²⁸. *Приклонять ухо* имплицитно противопоставляется словосочетанию *совать нос*, чем подчеркивается ненавязчивость героя, отсутствие грубого любопытства. Словацкая переводчица также дает устойчивое словосочетание, используя экспрессивный глагол *nat'čat'* ('совать, тыкать'):

NATRČAŤ UŠI (hovor.) pozorne počúvať, snažiť sa počuť²⁹;

NATRČAŤ UŠI (hovor.) – навастривать уши, настораживаться³⁰.

Так, в переводе утрачивается библейская стилистика и семантика, чего вполне можно было избежать, употребив соответствующее словацкое библейское выражение *nakloniť ucho* («všimni si moju múdrosť, k mojej rozumnosti nakloň svoje ucho» [Prís. 5:1]).

Чтобы уравновесить оттенок некоторой унизительности, присутствующей в глаголе *приклонять* ('пригибать, наклонять к земле, к низу'³¹), вводится писателем словосочетание *гордости не ущербнуть*, используя глагол, устаревший с точки зрения современных словарей, заимствованный А.И. Солженицыным у В.И. Даля:

УЩЕРБНУТЬ – убываться, умять³².

Выбор переводчицы выпал на литературную лексему, близкую по значению: *ZADAŤ SI svojím konaním, správaním (obvyčajne nedôstojným) stratiť na vážnosti, utpieť ujmu na cti, povesti apod*³³.

Новаторство А.И. Солженицына состоит не только в расширении возможностей лексики, но и в обогащении стиля и его выразительности. Ведь «авторский стиль проявляется не только в выборе слов и словоупотреблении, но еще более в компоновке слов, распорядке и композиции словесных цепей»³⁴. А.И. Солженицын часто совмещает в одном произведении средства различных функциональных стилей. Научная, публицистическая или административная лексика и синтаксис применяются автором, например, в книге «Архипелаг ГУЛАГ», в некоторых рассказах, таких как «Для пользы дела» и других, для придания тексту достоверности, научной обоснованности. Кроме того, смешение элементов разных стилей часто применяется для противопоставления языка советской власти языку простого народа. Характерными чертами последнего является принадлежащий складу устной народной речи словарный запас и строй языка. Образность, тональность, ритм повествования в произведениях А.И. Солженицына часто близок народным сказкам: **И** кто-то дал такое разрешение. **И** Фаддей собрал своих уцелевших сыновей, зятей и племянников **и** достал лошадей в колхозе – **и** с того бока разворочен-

²⁸ Толковый словарь русского языка. Т. 3. С. 803.

²⁹ Slovník Slovenského Jazyka : 5 diel. Bratislava, 1959–1965. Diel. 2. S. 298.

³⁰ Veľký slovensko-ruský slovník : 6 diel. Bratislava, 1979–1995. Diel. 2. S. 403.

³¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 418.

³² Там же. Т. 4. С. 530.

³³ Slovník Slovenského Jazyka. Diel. 5. S. 395.

³⁴ Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 220.

ного переезда, кружным путем через три деревни, обвезил остатки горницы к себе во двор³⁵.

Этот отрывок из «Матрёниного двора» необыкновенно богат со стилистической точки зрения. Строение его характерно для сказки или народной песни (каждое новое предложение начинается союзом *и*). Используются знакомые сказочные образы, например, как царь собирает своих сыновей, которые должны пройти через три моря, три горы и три деревни, чтобы достичь своей цели. Словацкий текст в этом смысле намного беднее оригинала: *A ktosi mu také povolenie dal. Tu Faddej zhromaždil synov, zaťov a synovcov, čo mu ešte ostali, požičal si od kolchozu kone – a spoza železničného príchodu, okľukou cez tri dediny, pozvážal zvyšky svetlice na svoj dvor*³⁶.

В речи героев часто используются пословицы, поговорки, приметы, которые также придают особый колорит повествованию. В словацком тексте они часто переданы эксплицитной интерпретацией содержания:

Незнайка на печи лежит, а знайку на веревочке ведут...³⁷.

*Beda tomu, kto veľa vie...*³⁸.

...дверью ногу прищемишь – быть гостю³⁹.

...ak si prívzneš nohu medzi dvere, prídu hostia⁴⁰.

Говорят у нас: умная выходит после Покрова, а дура – после Петрова⁴¹.

*U nás sa hovorí: múdru zašepčia pred zimou, hlúpu pred žatvou*⁴².

Важной особенностью стиля писателя является употребление таких звуковых средств выражения, как ритмизация прозаического текста, синтаксическая симметрия, рифма, многократный повтор, аллитерация и ассонанс, анафора и эпифора, фольклорная интонация. Особенности звучания речи прекрасно удалось передать переводчице «Матрёниного двора» в описании оплакивания усопшей. Она не старалась воспроизвести точный смысл плача, а использовала фонетические особенности словацкого языка. В этом случае большим преимуществом является не только близость славянских языков, но и традиции славянских народов, унаследованные с языческих времен.

Ах нянька-нянька! Ах лелька-лелька! И ты ж наша единственная! И жила бы ты тихо-мирно! И мы бы тебя всегда приласкали! <...>

Ах тетанька-тетанька! И как же ты себя не берегла! И, наверное, теперь они на нас обиделись! И родимая ж ты наша, и вина вся твоя! <...>

Да ты ж моя сестричка! Да неужели ж ты на меня обидишься? Ох-ма!.. <...>
И прости ты меня горемычную! Ох-ма!..⁴³.

³⁵ Солженицын А. И. Матрёнин двор // Рассказы. М., 1990. С. 143.

³⁶ Solženicyн A. Matronina chalupa. Bratislava, 2003. S. 38–39.

³⁷ Солженицын А. И. Матрёнин двор. С. 138.

³⁸ Solženicyн A. Matronina chalupa. S. 33.

³⁹ Солженицын А. И. Матрёнин двор. С. 126.

⁴⁰ Solženicyн A. Matronina chalupa. S. 20.

⁴¹ Солженицын А. И. Матрёнин двор. С. 131.

⁴² Solženicyн A. Matronina chalupa. S. 25.

⁴³ Солженицын А.И. Матрёнин двор. С. 141.

Ach, dadulienka naša, dadulienka milá! Ach, vypeľchala si nás, vychovala! Teba jedínú sme mali na svete! A mohla si si tu ešte pobudnúť! Ved' by sme ťa my boli prichýlili! <...>

Ach, tetuška naša, tetulienka milá! Čože si si nedala lepši pozor! A oni teraz akiste majú na nás ťažké srdce! A ktože ťa mal radšej ako my, a len sama si si na vine! <...>

Ved' si mi bola ako vlastná sestra! Hádám sa len na mňa nehneváš? Óvi!... <...> Odpusť mi, odpusť, stvore nešťastlivej!...⁴⁴.

Язык рассказа «Один день Ивана Денисовича» ярко свидетельствует о том, что писатель претворяет в жизнь свой масштабный замысел по лексическому расширению русского языка. В тексте рассказа представлены все наиболее характерные черты солженицынского стиля. При анализе двух словацких переводов необходимо учитывать не только то, что они сделаны с двух отличающихся оригинальных текстов, но и то, что в каждом из них представлена своя переводческая концепция. Автор перевода 1963 года Я. Ференчик придерживается концепции экзотизации, то есть предпочтения иностранных заимствований средствам языка перевода, О. Гирнерова – концепции нейтрализации, то есть значительной адаптации современному словацкому языку. Ее переводческие решения отличаются большей фантазией и оригинальностью, что, однако, не всегда обеспечивает адекватность перевода. Примерами разных переводческих решений в области лексики является перевод жаргонизмов, которыми изобилует рассказ. Так, жаргонизм *кондей*, или *карцер*, Я. Ференчик в большинстве случаев передает заимствованным *karcer*, тогда как О. Гирнерова предпочитает передавать его сленговым *basa* (букв. ‘тюряга’). Русский жаргонизм *зона* также по-разному воспроизведен в словацких текстах. Я. Ференчик придерживается во всех случаях его употребления заимствования *zóna*, О. Гирнерова же выбирает различные эквиваленты в зависимости от контекста: *tábor*, *ohrada*, *dvor*, *vnútro tábora*, *stavenisko* и т. д. То же самое происходит и с переводом таких жаргонизмов, как *кум* или *onep*. На протяжении всего текста 1963 года используются нейтральные эквиваленты *vyšetrujúci* / *vyšetrovateľ* (букв. ‘следователь’). В переводе 2003 года при первом упоминании о куме О. Гирнерова вводит переводческий окказионализм *strýček* (букв. ‘дядька’, перен. ‘властный покровитель’), далее используются такие варианты, как *náčelník bezpečnosti*, *vyšetrovateľ*, *dozorca*, *eštebák*.

Кроме социально обусловленной лексики – жаргонизмов, диалектизмов и т. д., особую трудность для перевода представляют собой авторские слова. Острее всего звучат солженицынские окказионализмы, воплотившиеся в форме наречий – наречий образа действия. Именно в этой части речи наиболее полно сочетаются для писателя возможность словотворчества и насыщенность выражаемого ею явления. В «Объяснении» к «Русскому словарю языкового расширения» А.И. Солженицын пишет: «...повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию.

⁴⁴ Solženicyn A. Matronina chalupa. S. 36.

Я опирался на личное языковое чутьё, примеряя, какие слова ещё не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение»⁴⁵.

Напересёк через ворота проволочные, и через всю строительную зону, и через дальнюю проволоку, что по тот бок, – солнце встает большое, красное, как бы во мгле⁴⁶.

Несмотря ни на что – ни на существование лагеря, проволоки, зоны, солнце все равно продолжает вставать каждое утро. В наречии *напересёк* кроется, безусловно, не только свойство солнечных лучей, пересекающих лагерь. Пользуясь принципом скорнения, автор заставляет читателя услышать здесь и *наперёк*, и *пересечь*, и *наперекор*. Наперекор злу, страху и насилию жизнь продолжает идти по своим законам. Нелегко передать на другой язык всю коннотативную гамму значений такой лексемы. Словосочетание *spoza brány* (букв. *из-за ворот*) нельзя считать адекватным выбором. Наречие *naprieč* ('поперек, наперерез, напрямик')⁴⁷ в некоторой степени передает свойства окказионализма. Кроме того, оно созвучно наречию *napriek* – 'назло, наперекор, несмотря на'⁴⁸.

Naprieč cez drôtenú bránu, cez celú stavebnú zónu a pomedzi vzdialené drôty na druhej strane vychádza slnko – veľké, červené, akoby v hmle⁴⁹.

Spoza brány z ostnatého drôtu, ponad celé stavenisko a drôty na druhom konci, akoby v hmle, vychádza veľké červené slnko⁵⁰.

Особенно сочный окказионализм – наречие *напрожог*:

*Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожог*⁵¹.

Мы видим, как лагерь прожог бригадира, оставил на его теле и в сердце неизгладимые следы ожога, как он прошел в лагере огонь и воду, как, несмотря на все, горит в нем сила духа. В переводах находим бесцветные фразы о том, что он в совершенстве знает обычаи лагеря:

Odpykáva si už druhý výmer trestu, hlavná správa táborov ho prijala za svojho, táborové zvyky pozná dokonale⁵².

Tento syn gulagu si odpykáva už druhý trest, dokonale ovláda táborové zvyky⁵³.

Перевод в данном случае можно считать одним из способов изучения и интерпретации авторских новообразований. «Важно подчеркнуть принципиальную художественную незаменимость «необычных» слов, используемых Солженицыным. Стоит только попытаться вставить вместо них "обычные" – немедленно

⁴⁵ Солженицын А.И. Объяснение // Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М., 1995. С. 4.

⁴⁶ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 33.

⁴⁷ Словацко-русский словарь. М. ; Братислава, 1976. С. 229.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Solženicyň A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 38.

⁵⁰ Solženicyň A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 37.

⁵¹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 34.

⁵² Solženicyň A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 39.

⁵³ Solženicyň A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 37.

обнаруживается, что множество семантических и стилистических оттенков исчезает невозвратно»⁵⁴. Данный факт подтверждается и на примере анализа переводов.

На всех уровнях текста можно проследить различную линию переводческих решений, находящихся в прямой зависимости не только от личностей самих переводчиков, но и от развития словацкой переводческой школы в целом, от изменившихся социально-политических условий, от изменившегося читателя. Появление новых переводов, переиздание книг А.И. Солженицына в Словакии свидетельствует о том пути, которым прошло и до сих пор проходит творчество А.И. Солженицына в сознании словацкого читателя. Новые дополненные и переработанные издания, новые переводы являются средством, способствующим сближению переведенного произведения и принимающей культуры и одновременно служат доказательством того, что этот процесс происходит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. М., 1880–1882.
2. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя [Текст]. – Л., 1974.
3. Медведев, Ж.А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича» [Текст]. – Лондон, 1973.
4. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Новый мир. – 1962. № 11. С. 8–74.
5. Солженицын, А.И. Матрёнин двор [Текст] // Рассказы. – М., 1990. – С. 112–146.
6. Солженицын, А.И. Раковый корпус [Текст]. – М., 2001.
7. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Собр. соч. : в 20 т. – Париж ; Вермонт, 1978. Т. 3. С. 7–122.
8. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ [Текст] : в 3 т. – М., 1990.
9. Солженицын, А.И. Объяснение [Текст] // Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М., 1995. С. 3–6.
10. Спиваковский, П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд (к 80-летию со дня рождения) [Текст]. – М., 1998.
11. Словацко-русский словарь [Текст]. – М. ; Братислава, 1976.
12. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935–1940.
13. Червеняк, А. «Малый триптих» А. Солженицына [Текст] // A.I. Solženicyn v kontexte európskej literatúry. Zborník príspevkov zo sympózia o tvorbe A.I. Solženicyna. – Bratislava, 1992. S. 50–60.
14. Alexander Solženicyn: Súostrovie Gulag [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.premedia.sk/slk/sk/literatura_faktu/novinka_alexander_solzenicyn_suostrovie_gulag (дата обращения: 18.04.2013).
15. Drozda, M. Jeden deň Ivana Denisoviča [Text] // Východoslovenské noviny. 1964. 25. 7.

⁵⁴ Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд (к 80-летию со дня рождения). М., 1998. С. 91.

16. Hrala, M. České překlady z ruské literatury In: Kapitoly z dějin českého prekladu [Text]. Praha, 2002. S. 185–241.
17. Mátejová, Z. Vidieť ponad osobné krivdy presný cieľ [Text] // Učiteľské noviny. 1963. 22. srp., Roč. 2013. Č. 31–33. S. 4.
18. Priehrštie pravdy o fenoméne gulag [Text] // Katolícke noviny. 2013. 26 marec. – Режим доступа : <http://www.katolickenoviny.sk/1314-2013-priehrstie-prav-dy-o-fenomene-gulag/> (дата обращения: 10.04.2013).
19. Slovenské tlačené slovo v zahraničí [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.viks.sk/dkk/kniha91_92_19_34.doc (дата обращения: 10.04.2013).
20. Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963.
21. Solženicyn A. Matrimonina chalupa. Bratislava, 2003.
22. Solženicyn A. Rakovina. BA, 1991
23. Solženicyn A. Súostrovie Gulag: 3 diel. BA, 1991.
24. Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003.
25. Slovník Slovenského Jazyka: 5 diel. Bratislava, 1959–1965.
26. Súostrovie Gulag. Recenzie. Knižná revue. 2013. 06. únor. [Электронная версия журнала]. – Режим доступа : <http://www.floowie.com/sk/nahlad/309631289511119a9865de-#/strana/2/> (дата обращения: 10.04.2013).
27. Veľký slovensko-ruský slovník: 6 diel. Bratislava, 1979–1995.

V.S. Knyazkova

A.I. SOLZHENITSYN'S WORKS IN SLOVAKIA

The paper analyzes Slovak readers' attitude to A.I. Solzhenitsyn's works. It provides a historical review of translations of A.I. Solzhenitsyn's works into the Slovak language. The author speaks about different translators and their translation policy. She analyzes the changing attitude of Slovak readers to A.I. Solzhenitsyn's works. The author shows the main approaches to the translation of A.I. Solzhenitsyn's vocabulary into the Slovak language and provides illustrations of the most difficult cases of A.I. Solzhenitsyn's unique usage of words.

literary translation into the Slovak language, «One Day in the Life of Ivan Denisovich», translating occasionalisms, readers' interpretation.

